

Отсюда микроструктура исследования: каждая глава должна начинаться именно этим текстом, последовательно высветляя — вкуче с другими текстами — все грани алхимического синкретизма, давая одно из возможных и необходимых прочтений текста, необходимых и возможных в контексте средневековой культуры. Каждое такое прочтение, взятое в отдельности, призвано претендовать на исчерпывающее и законченное толкование всей алхимической деятельности. Эти прочтения как прочтения тотальные призваны взаимно отвергать друг друга, но взаимно и дополнять. В результате — объемный, многогранный — целостный образ алхимии, ибо каждое новое прочтение должно не отменить предшествующие, а вступить с ними в сложные, противоречивые отношения. Чаемое свойство складывающегося образа — это сохранение собственного средневекового первородства — исторически природной собственной цельности и странности. Алхимический текст как сложное органическое единство призван воспроизвести целостный тип культуры. Иначе: все определения средневековой культуры должны преломиться в зеркале алхимического текста, на поверхности алхимического многогранника, обещая помочь понять механизм этого преломления.

Но алхимическое зеркало может оказаться кривым зеркалом, в котором все определения средневековья предстанут нарочито огрубленными, выразительно заостренными. Все характеристики «нормального» средневековья — и в этом можно было уже в какой-то мере убедиться, читая рецепт *Рипли* сразу на несколько голосов, — в алхимических речениях гипертрофированы, асимметричны, деформированы и намекают на выход средневековой культуры за собственные пределы — в иные социокультурные пространства.

Все это таит и до поры хранит алхимический текст — рецепт *Рипли*. Нужно только многоголосый алхимический хорал представить как полилог сольных партий; но таким образом представить, чтобы каждый индивидуальный голос говорил каждый раз от имени и лица всей алхимии, всех алхимиков — именем всего средневековья и даже... более чем²². Самоопределение предмета (слово самим участникам исторических событий) и развертывание смысла и мысли текста вместе с читателем — необходимые гарантии действенности предстоящего гуманитарного эксперимента. Ожидаемый результат — живой образ средневековой алхимии, каждый элемент которого воссоздан, самоопределен в соавторстве с творцами исследуемой культуры средствами рефлексивного определения собственного дела.

Таковы особенности аналитического метода для решения синтетической задачи. Но синтез не есть подготовка для анализа. Предмет понимания воспроизводится здесь и теперь, на страницах этой книги, так сказать, по ходу дела. Тогда сам процесс реконструкции текста вместе с его замыслом и его историческим автором есть вкуче с «видением» и по-

²² Не здесь ли возможное диалектически понятое приложение боровской дополнительности к историческому знанию — в реконструктивном гуманитарном эксперименте?!